

Алевтина Гришина

СЕРДЦЕ

А. Полякову

У нашего сердца особые счета
С реальностью жизни и нашей работой,
С цветением вишни счастливой весной,
Со словом, что мы забываем порою.

Со всем, что случилось и может случиться,
С желанием нашим вцепиться в жар-птицу,
Забыв о доверчивой, нежной синице,
И с тем, почему поздней ночью не спится.

С людьми, без которых мы жизни не мыслим,
И с теми, кто нас, как нам кажется, любит,
С процентом удач, что нам праздник начислит,
С процентом потерь, что нащелкают будни.

У нашего сердца особые счета
Со всем, чем живем мы, и наши заботы
Оно принимает так близко, так больно,
Но вдруг понимает: бороться довольно

За нас неразумных, за нас эгоистов,
Что так равнодушно, жестоко и быстро
Растратили все, что судьба подарила,
Что сердце для нас берегло и хранило.

И вот уже сердце стучит не по норме,
И доктор таблетками нужными кормит.
Кто спорит! Конечно же, главное — отдых,
И надо, пожалуй, поехать на воды...

Но жизнь продолжает нас звать за собою,
В работе, твердит, не положено сбоев,
Друзья, говорит, и родные без вас,
Как в море открытом пропавший баркас.

И хочется верить, что все обойдется
И сердце, как прежде бывало, забьется.
От наших волнений куда ему деться!
На то и дано беспокойное сердце.

СНЕГ

Идут белые снеги,
Как по нитке скользят.
Жить и жить бы на свете,
Да, наверно, нельзя...

Е. Евтушенко

Все повторится: стужи, и метели,
И талые снега среди зимы,
Сугробы и Введенские капли...
Не повторимся в этой жизни мы.

Всю ночь сегодня снег в моей Кашире
Кружится в свете редких фонарей.
Поверилось: в подлунном этом мире
Нет края мне понятней и родней.

Подумалось: за этими снегами
Придут другие и растают вновь.
Так меж людьми, того не зная сами,
Живут надежда, вера и любовь.

Почудилось: за белой пеленою —
Миры иные. Незнакомый свет
Струится, призывая за собою,
Туда, где ничего земного нет.

Случится так и у других поэтов:
В окошко глядя, сочинят стихи
Про снеги, что, другими не воспеты,
Летят к земле, наивны и тихи.

Я не задерну шторы этой ночью,
Не отойду от темного стекла...
Лежит в сугробе беззащитной точкой
Моя снежинка, что с небес пришла.

Надежда Марчук

В одной из девяти жизней

Рассказ

Серый кот-британец с завораживающими желтыми глазами появился у нас больше года назад. Мы назвали его в честь булгаковского Бегемота из

им глазам, кот осторожно открывает лапки, но беглянки уже и след простыл!

Устав от безрезультатной ловли, Мотя, наконец, спокой-

«Мастера и Маргариты». Вскоре официальная кличка домашнего любимца превратилась в ласковое Мотя или Мотыка.

Есть у Бегемота одна отличительная черта: его завораживает процесс письма. Он всегда очень внимательно следит за тем, как я вожу ручкой или карандашом по бумаге, но больше всего любит наблюдать, как работаю за компьютером. Едва услышит щелчок кнопки включения — тут же оказывается рядом. Сначала неторопливо проходит около мерно гудящего системного блока, придирчиво осматривает горящие лампочки. После внимательно вслушивается в работу принтера, затем забегает на него, чтобы разглядывать листы с напечатанным текстом, которые непременно нюхает и трогает лапкой, словно проверяя чернила. Убедившись, что краска не подкачала, кот решает взглянуть, что делается на столе.

Прыжок — и, к моему неудовольствию, он на месте. Пройдясь по столу туда и сюда, присматривает объект для игры — «мышку». Удивительно, до чего же кошачья порода любит игры в кошки-мышки, даже если это компьютерная «мышь»! Обнюхав, он пытается сдвинуть ее с места. «Мышка» поддается. Мотыка гоняет ее по столу, словно футбольный мяч. Лишь только я протягиваю руку, чтобы отобрать, тут же получаю удар лапой. Особенный восторг кот испытывает, когда я не успеваю подхватить на лету «мышь» и она, поверженная, с грохотом валится со стола.

Наигравшись с «мышкой» и чувствуя себя победителем, Мотыка переключается на монитор и сосредоточенно наблюдает за курсором. Вдоволь насладившись скачками маленькой стрелочки, неожиданно накрывает ее передними лапками. Держит долго, боясь упустить. Но вот незадача: своенравная стрелочка, пока Мотыка держал ее, успела сбегать на другое место. Не веря сво-

но усаживается, демонстрируя мне свой аристократический профиль. Сперва он замороженно глядит на появляющиеся на белом электронном листе слова, затем — царственный поворот головы, и его взгляд устремляется на мои пальцы, стучащие по клавишам. Через несколько минут кот решает повторить мой удачный опыт и осторожно спускается со стола прямо на клавиатуру. Сначала одна лапа... вторая... третья... четвертая... Кот неторопливо ступает мягкими подушечками по клавишам, оставляя на экранном листе след — беспорядочный набор цифр и букв. Изредка он останавливается в задумчивости, поглядывая на написанное и переминаясь с лапы на лапу. Некоторое время я терплю, но затем сгоняю кота. Он становится грустен, ложится неподалеку, смотрит на меня своими немигающими желтыми, с узкими щелочками зрачков глазами.

Говорят, у кошки девять жизней, имея в виду жизнеспособность этого животного. Но у меня эта фраза почему-то связывается с переселением душ. Мне представляется, что кошка девять раз умирает и возрождается, и все девять раз ее наполняет новая сущность. Когда я смотрю на нашего задумчивого кота, мне кажется, что в эти минуты он вспоминает одну из своих прошлых жизней, в которой был человеком. Человек этот все спешил куда-то, гнался за чем-то в надежде изменить свою жизнь, при этом забывая о своих близких, не щадя их чувств. Боги покарали его за это, заточив душу в тело домашнего животного, которому необходимы любовь, забота и внимание. С тех пор он — наш кот Мотыка.

Иногда мне кажется, что в беспорядочных знаках, выходящих из-под Мотыкиных лап, есть смысл. Может, он пытается раскрыть мне суть бытия, нашего пребывания в этом мире? Увы, я не понимаю и, наверное, уже не пойму, по крайней мере, в этой жизни.

Людмила Голобокова

В Константиново

Наши лица торжественно светятся.
На душе так отрадно, легко.
Мы стремимся с Есениным встретиться,
С днем рожденья поздравить его.

Клен могучий листвою золотистою
Устилает дорожки ковром.
Низкий дом с обветшалой крышею
Был таким же, наверно, при нем.

И луга — те, рососою омытые,
Где Есенин гулял босиком.
Льются песни, давно позабытые,
Под «тальянку» его — под гармонь.

Над Окою туман расстилается,
И рябин светит красный огонь.
Так и кажется — вот он появится,
Вместе с ним — его розовый конь.

На эстраде в прохладе осеннюю
Стихотворцев стоит череда.
Но не будет другого Есенина
Никогда, никогда, никогда!

(Литературное объединение «Зодиак»)

Анатолий Прядкин

XXI век

О, двадцать первый век, сними
Одежды вечные коварства!
Ответь, как можно без семьи
Создать святое государство!

Семья — основа всех основ,
Она и гвоздь в тесине ржавый
(Сказать об этом не грешно),
И символ крепости державы.

Семья. Семейство. Племя. Род...
Вот те достойные приметы,
Что людям создают оплот,
Оплот воистину бессмертный.

О, двадцать первый век, зимы
Настал одиннадцатый праздник.
Он, этот праздник, для семьи,
А не для дел твоих бумажных.

Мой род

СОНЕТ

Мой род по всей Руси крестили,
И он крестами в землю врос
Среди дубов, осин, берез.
Ему ль лишиться крестной силы?

Ему ль не думать о России
Во времена метаморфоз,
Когда летел наш паровоз
А в избах бабы голосили!

Ему ль не слышать благовеста,
Когда в России Бог — инвестор!

Мой род не требует реформ,
Мой род в Госдуме не судачит,
Но, чтобы был в душе комфорт,
Дает врагам достойно сдачи...

Тост Наполеона

Нет, этот тост не для застолья,
Не для жеманных глаз и губ...
Я пью за русские раздолья,
За лошадей и за тулуп.

Я пью за этот холод лютый,
Он гениальнейший стратег!
Я пью, чтоб находили люди
И в скорби время для потех.

Печальней не было картины —
Грусть до последнего мазка,
Когда я бил бокал с мартини
За твой святой огонь, Москва!

Последний бил бокал на свете
Во имя этой вот избы...
Откройте дверь!
Пусть вольный ветер
Вильнет хвостом моей судьбы.